

Кузька-вор

Жил-был Кузька-вор. Барин и говорит: «Кузька, укради у меня собаку! Дам, если украдешь, сто рублей». Кузька говорит: «Украду». — «Как ты украдешь? Ведь она злая». — «Это», — говорит, — «мое дело, а не ваше». Приходит Кузька домой и говорит: «Мать, сшей мне мешок такой-то вот длины, такой-то ширины». Мать сшила ему. Он пошел. Приходит к воротам; взял да и приколотил мешок под подворотню, широко растопырил, а сам отошел. Собака молчит, не чует. Лукнул через ворота камень, она и учуяла, бежит. Разбежалась да прямо в мешок и попала. Кузька оторвал мешок и убежал с ним домой. Барин поутру встает, собаки нет. «Ступайте, — говорит, — слуги, призовите Кузьку!» Те пошли. «Кузька дома?» — «Дома». — «Собака у тебя?» — «У меня». — «Иди к барину!» Приходит, собаку приносит. Барин ему сто рублей отдал и говорит: «Украдешь у меня еще жеребца?» — «Ураду». — «Да как ты украдешь? Ведь у меня его четверо людей караулят: один верхом, другой за повод будет держать, третий — за хвост, четвертый — в дверях». — «Это дело мое», — говорит Кузька-вор; — «украду». Вот барин уснул. Кузька приходит в его хорóмы, оделся в баринову одёжу, взял четверть водки, выходит вечером на крыльцо и кричит: «Ребята! Кузька не был?» — «Не был-с». — «Идите, по рюму́шечке выпейте». Они выпили. Напоил их пьяных Кузька, они и повалились. Пришел он, взял жеребца и увел; заместо его ма́лицу поставил; одного-то верхом на нее посадил, другому-то веревку дал, за ручку привязал, третий так валя́тся, а четвертый пьяный у дверей лежит. Барин поутру приходит, кричит: «Робята, робята!» Они спят себе; добудились на силу. «Где жеребец?» Нет жеребца: проспали. «Зачем вы нас, барин, вином поили?» — «Когда?» — «А вчера?» — «Призвать Кузьку!» Призывают. Приезжает Кузька на барском жеребце; получил от барина сто рублей. После барин и говорит: «А вот что: укради у меня деньги». — «Ладно», — говорит Кузька. — «Как ты украдешь? Ведь оне у меня в головах и люди будут их стеречи́ день и ночь». — «Дело мое, украду». Пошел Кузька на кладбище, вырыл он там мертвеца, притащил его и мертвыми руками царапает в окошко. Проснулся барин. «Стой! Это Кузька!» А Кузька открыл окошко да и сунул мертвеца в комнату. Сейчас ему барин голову на́прочь и отрубил. «Ну, — говорит, — это видно не жеребца воровать. Попался! Пойдемте его хоронить», — говорит. Пошли мертвеца зарывать. Кузька вбежал в горницу и говорит: «Барыня, поймали! Пожалуйста барину деньги — разделаться!» Та испугалась, да все

деньги и отдала, всю шкатулку. Он ее и унес. «Теперь схоронили, больше не будет воровать», — говорит барин. Утром встают — денег нет. «Ах, мотри мы не его срубили!» Посылают к Кузьке. «Дома Кузька?» — «Дома». — «Иди к барину». Приходит Кузька и деньги приносит, получает сто рублей. «Укради», — говорит ему барин, — «мою барыню». — «Ладно, украду». — «Да как же ты ее украдешь? Я всегда с ней». — «Дело это не ваше, украду». Сшил Кузька чучелу, вылитого себя, в белую одёжу одел и повесил на куст, а сам за другой куст спрятался. Барин и едет на тройке с барыней; проезжает мимо куста, видит, что Кузька на нем висит. «Стой! Вот где Кузька-то! Видно его порешили. Пойдем, кучер, хоть над мертвым помудруем». Стали они чучелу бить да дергать, а Кузька выскочил тем временем из-за куста, пал на козла и ускакал вместе с барыней. Взял он после эту барыню и промотал: чертям продал. Барин посылает к Кузьке людей. Те спрашивают: «Кузька дома?» — «Дома». — «Барыня у тебя?» — «Нет: я ее чертям продал». — «Ступай, выкупи!» Пошел Кузька выкупать. Приходит к озеру. Выбегает чертенок. «Ты что, Кузька?» — «Давайте барыню назад!» Чертенок — к водяному. «Дединька», — говорит, — «барыню назад просят». Водяной и говорит: «Кто из вас гирю выше вскинет, тому и барыню». Чертенок вышел из озера и говорит Кузьке: «Давай вот эту гирю кто выше вскинет, тому и барыню». — «Ладно, кидай!» Чертенок кинул высоко, высоко: гиря упала, в землю вся ушла, одне ушки остались. «Ну, ты теперь кидай, Кузька!» Кузька взял за ушки, силы-то нет выдернуть, вот он глядит на облако и говорит: «Вон там дядя мой живет, кузнец, во-о-н дверь-то растворёна... На что-нибудь сгодится ему». Чертенку жаль стало гири, схватил ее да марш к дедушке. «Дединька, дединька! Он хочет ее к дяде-кузнецу за облака закинуть». — «А вот спасибо, что унес», — говорит. — «Подите теперь в перегонки: кто кого перегонит, тому и барыню». Кузька и заметил тем временем зайца под кустом. Чертенок выбежал из озера да и говорит: «Давай в перегонки! Кто кого перегонит, тому и барыню». — «Ладно. Эх, ты», — говорит Кузька, — «куда тебе? У меня есть маленький малютка, в пеленках еще лежит, и то ты его не перегонишь!» — «Укажи, пойдем». Идет; только, не доходя до куста, кинул Кузька камешком. Заяц как прыснет и пошел... Чертенок ему кричит: «Постой! Постой! Сверстаемся! Сравняемся!» А тот еще пуще жарит. Так и не догнал. Воротился в озеро, говорит: «Дединька, у него есть маленький малютка, так и того не догонишь, а куда его догнать». — «Ну, теперь кто из вас кого поборет?» Выбежал чертенок и говорит: «Давай бороться! Кто поборет, тому и барыня». — «Эх», — говорит Кузька, — «у меня есть дед семидесяти семи лет и зубов-то нет, и тот тебя изломает». — «Пойдем, укажи!» Вот Кузька и

привел его к медведю. Подошел чертенок к медведю и говорит: «Дедушка, а дедушка! Ну-ка давай бороться». А медведь только знай сопит себе. Кузька-то и говорит чертенку: «Он ведь так-то не борется, а ты его под бока потычь!» Тот и давай тыкать. Медведь давай чертенка ломать; до той степени ломал, что мочи у чертенка не стало: вылез из-под медведя, да в озеро. «Дединька», — говорит, — «я насилу вырвался: у него есть дед семидесяти семи лет и зубов нет, так и тот так меня изломал, что беда, а куда сним!» — «Ну», — говорит водяной, — «теперь кто из вас больше свиснет, тому и барыня достанется». — «Ну, свищи ты!» — говорит Кузька. Чертенок свиснул, индо с дубу лист посыпался. «Ну, Кузька, теперь ты свисни!» А вот что, чѐрт, ты сядь к озеру ногами, а глаза-то завяжи, а то выкатятся». Чертенок так и сделал. Кузька размахнулся, да как свиснет чертенка по башке, тот прямо — в озеро, и искры из глаз посыпались. Нечего делать, выводит ему из озера барыню. Вернулся Кузька домой. «Вот вам, барин, и барыня». Барин ему опять — сто рублей. Сошелся после того Кузька с дядей. «Давай вместе воровать!» — «Давай. А кто у нас будет большой?» — «А вот кто из-под вороны яйца вынет, так, чтобы та не слыхала, тот и будет большой». Вот дядя и полез на дерево, а Кузька — за ним, и вырезал у него подошвы. Тот слез. «Что, дядя, вынул?» — «Вынул». — «А где у тебя подошвы?» — «Ну», — говорит, — «Кузька, — будь ты большой, коли так». Пошли они воровать. Нашел Кузька красненький сапожок, взял в него нагадил, да на дороге и поставил. Едут мясники, купили быка на мясо. Видят мясники: сапог стоит. «А, — говорят, — постой! Сапог нашел!» Сунулись к нему, а там дерьмо. Бросили. «Кабы», — говорят, — «другой такой был, ну ничего, а то что, куда его?» Вот Кузька забежал вперед и опять этот сапог на дороге поставил. Доехали мясники до него, видят: другой сапог. Привернули лошадь, пошли назад за первым. Кузька тем временем быка отвязал и во ржавицу затискал вместе с веревкой, только конец на берег выпустил. Мясники вернулись, хват — быка нет. А Кузька сидит под кустом и мычит. «Бынёюшка! Бынёюшка!» Искали, искали и нашли веревку; потащили — голова! И стали между себя говорить: «Что тащить-то? Шея оторвалась, а бык-то видно во ржавице утонул. Поедем домой!» Только они уехали, Кузьке и захотелось кожу от дяди утаить. Вот он выломил два больших прута и давай по шкуре задувать. «Батюшки, братцы, не один я, с дядей! Батюшки, братцы, не один я, с дядей!» Дядя услышал да и убежал. Кузька шкуру один и продал.

(Со слов воротника Алексея в с. Озерках, Самарской губ. Ставроп. у.)

Сказки и предания Самарского края. Собраны и записаны Д. Н. Садовниковым. С.-Петербург, 1884.